

18+

Виктор Балдоржиев

Прощание с эпохой

Виктор Балдоржиев
Прощание с эпохой

«Издательские решения»

Балдоржиев В.

Прощание с эпохой / В. Балдоржиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930189-5

Талант обречён на одиночество, оно же — обязательное условие для творчества. Необходимое дополнение к условию — место и время. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-930189-5

© Балдоржиев В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Между прошлым и будущим	7
1. Встречи	8
2. Мастерская Души	9
3. Птицы над океаном	10
4. Филология и физиология	11
5. Мутные игры и золото короны	12
6. Ода Баркову	13
7. Поиски	15
8. Прощание с эпохой	17
Ценитель фонемы	18
1	19
2	20
3	21
4	22
5	23
6	24
7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Прощание с эпохой

Виктор Балдоржиев

© Виктор Балдоржиев, 2018

ISBN 978-5-4493-0189-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Талант обречён на постоянно одиночество, оно же – обязательное условие для творчества. Необходимое дополнение к этому условию – место и время. В моих скитаниях иногда судьба предоставляет моему одиночеству редкую удачу – место и время для свободного творчества. И тогда появляются на бумаге поэзия и проза, хотя они жили и живут в моём одиночестве всегда и мучительно ждут только случая для того, чтобы проявиться. Циклы или десятки стихотворений появляются один за другим точно также, как и строки одного стихотворения в какие-то определённые моменты. Как правило, это одиночество.

Потребительская среда такой удачи никогда не предоставит, ибо потребителю непонятен, а потому отвратен сам дух творческого процесса, для которого одиночество – отечество мысли.

Но талант одинок в любой среде. Обретая на короткое время место и время, он кормит духовной пищей себя, а потом и среду, независимо от её вкусов, ибо воздух пропитан искусством и мыслью, а человек состоит не только из того, что физиологически потребляет (не скот же он откорме), но и из того, что – читает, слушает, видит. Это тоже потребление, которое в итоге становится мощью или немощью духа.

Одержимость состояться и распространять себя сродни болезни бешенства. Задача – не заразиться и не заразить. От качества потребляемой духовной пищи зависит качество человека и его социального обустройства. Вот почему настоящий талант, в первую очередь, творит, развивается, реализовывает себя, самоутверждается, но всегда опасается выпускать свои произведения на волю: ибо помнит о том, что ему не дано предугадать, как отзовется его слово. Исходя из этого, настоящий творческий человек, по выражению К. С. Станиславского, любит искусство в себе, а не себя в искусстве.

Нечасто судьба предоставляет моему одиночеству место и время для того, что проявились на бумаге поэзия и проза.

Цикл стихотворений декабря 2008 года, посвященных моему другу Михаилу Вишнякову, а также строки, появившиеся в декабре 2009 и несколько новогодних дней 2010 года, ставшие для меня прощанием с эпохой, предоставляю в этом сборнике читателю...

Февраль 2010 года.

Между прошлым и будущим

Памяти моего друга, русского поэта Михаила Вишнякова...

1. Встречи

Я в Россию пришел из ковыльного края,
Из таинственных песен, звучанья веков.
Я родился, чтоб жить, языки сочетаю
И сближая народы созвучием слов...

Встречи длились века. Помнят только поэты.
Как смешались обличья, наречья и кровь.
Позабыто родство, но рождаются дети,
Может, только затем, чтобы встретиться вновь.

Я пришел им напомнить. Назначить на место
Сочетания звуков, созвучия слов...
Все знакомы давно! Почему же не вместе?
И поймут ли меня? Первым был Вишняков!

Но сначала мне Бог напороочил – Пиши!
Сотворив для меня Мастерскую Души...

2. Мастерская Души

Мастерская Души. Там мы встретились с ним,
И при первой же встрече признали родство.
Пусть другой повстречается где-то с другим,
Как заблудшего брата обнимет его!

То размером, то рифмой призывно маня,
Русский стих зазывал меня магией слов.
Это Запад с Востоком вливались в меня:
Миларайба и Пушкин, потом Кузнецов...

Суета многолюдства... Я был одинок
В толчее лизоблюдства и низких интриг.
Каждый день был уроком и каждый урок
Будет память хранить, чтобы светлым был миг

Между прошлым и будущим, где на пути
Мастерская Души, лучше нет Мастерской.
Лишь один Вишняков туда может войти,
И звенеть и блистать самой верной строкой.

Но остался теперь в Мастерской я один,
И над вымыслом плачу твоим, Михаил.
Годы нам добавляют морщин и седин.
Кто же братьев добавит, а братья нам – сил?

3. Птицы над океаном

Говорят, что какие-то люди живут,
Говорят, называются странно – поэты.
Будто птицы: не пашут, не сеют, не жнут.
Но на всякий вопрос подготовят ответы.

Говорят, выпивают, изрядно притом,
Говорят, любят женщин, их женщины тоже.
Говорят, только выпустят книгу иль том,
Так деньжищ огребают возами. О, Боже,

Как судачит молва о нас всюду, везде!
Но не вынесет свет жесточайшее право
Жизнь бездомным прожить в нищете и беде,
И не знать, что настигнет какая-то слава.

Ты, как птица, летишь, и вздымает валы
Океан под тобой! Даже в мыслях нет суши.
Не услышит никто ни хулы, ни хвалы,
Но куда-то летят и летят наши Души...

Где нашел ты причал, расскажи, Михаил?
Ты архангел теперь иль уже чудотворец?
Ты такое в полете для всех сотворил,
Что не мог сотворить ни один миротворец.

4. Филология и физиология

Объять необъятное – дело поэта,
Но надо кончать, хоть спеши, не спеши.
И вот окончание дела, а это
Парение плоти, но больше – Души.

Мы каждое слово поставим на место,
Отсюда звучанье и сила его.
Поэт – дирижер и парит над оркестром,
Творя и готовя свое торжество.

Зачем флибустьеры готовятся к рейду,
Филолог в другие науки проник?
Все движется в мире по мудрому Фрейду.
О, что ты придумал нелепый старик!

И мозг твой не спит. И чувства, и мысли
Не могут прорваться, взрывают тебя.
Творец – физиолог. И все в этой жизни
Конец и Начало. Но только любя

Ты можешь закончить свой акт, чтобы снова
Начать все с начала. Партнеры твои
Любимые звуки и верное слово,
Плоды твои – дети, вернее – стихи...

Но кто же посмеет в толпе разродиться,
А тот, кто сумеет – попробуй посметь.
Творение акта все длится и длится.
Ты должен закончить, а после хоть смерть.

5. Мутные игры и золото короны

Хватит играть нам в героев и в Спарту,
И пусть ненадежна, но все-таки власть.
Что ж, разыграем с ней мутную карту.
Вдруг туз там козырный, и выпадет масть?

Так рассуждали наивные люди.
Но кто-то отпрыгнул, а кто-то отпнул.
Козыри биты, закончены будни...
Закончил раздачу проныра и плут.

Только поэт остается поэтом,
Он должен прожить без духовных потерь:
Зверь обнаружит однажды с рассветом,
Что он благородный и ласковый зверь,

Все помещаются в доме громадном,
В котором их вздумал поэт размещать,
Каждый напудрен, в костюме парадном.
Хотели играть? Так давайте играть!

Вот он играет один с целым царством.
Но кончилось время песочных часов.
Что же случилось с твоим государством,
Мудрый, веселый, поэт Вишняков?

Так наступает эпоха прозренья,
Одним покаяньем не смоешь грехи...
Дальше не будет уже отступленья,
Не будет игры. Но прорвутся стихи —

Золото русской короны и чести,
Там мерзлые ангелы, тут – чучуна.
Нет ни тоски, озлобленья и мести,
Но есть лишь больная, родная страна.

6. Ода Баркову

Привет, Барков, охальник мира,
Создавший русские стихи,
Как жаль, что ты утоп в сортире,
Помре бесславно за грехи...

Век восемнадцатый жеманный
Слагает вирши в тишине,
Но девятнадцатый желанней —
Силлабо-тоника вполне

Подходит вольной русской речи.
Анапест, дактиль и хорей —
Калибра разного картечи,
Один другого посильней!

Но ямб здесь первый, скорострельно,
Четкой тему поведет,
И амфибрахий вам прицельно
Сюжеты шире развернет...

И безударный, и ударный!
Баркову – слава и почет.
Так пусть потомок благодарный,
Оригинал его прочтет.

Но дикость грубых слов и оргий
Сменили перси и уста,
И гениталии в восторге,
Когда их трогают перста,

И свету кажется, что, вроде,
Повсюду рай и пастораль.
Но век приходит и уходит,
Меняет нравы и мораль,

И нет ланит, но только – щеки,
Попробуй сжать в кулак персты.
О, как глубоко и далеко
Барков узрел полов мечты...

Еще незримо совершенство,
На каждый век свой плен идей,
Но люди требуют блаженства,
Идеи требуют людей.

Так что ж, начнем опять с Баркова,

А там и Пушкина дадут,
Потом дойдем до Вишнякова.
Идеи сами отпадут...

7. Поиски

Тебя нет ни в Сухайке, ни в Шилке,
Приезжаю в Читу, нет и тут.
Говорят, что ты был на развилке,
Где дороги к бессмертью ведут...

Не найду тебя, друг мой, в Тригорском,
И в Тарханах тебя не найду...
Весь в снегах монастырь Святогорский,
И звезда полыхает во льду,

Там, где бегает мальчик в салазку,
Посадив свою Жучку с утра.
Но печальна сибирская сказка,
Голодает зимой детвора...

Нас такие ветра закаляли,
Президентов бы в ссылку сюда!
Лунин твой поумнел в Забайкалье.
Кто не вынес – пропал без следа.

На Торейских озерах пустынно,
Слева – Зун, а направо – Барун,
Здесь свои на вершинах святыни,
И не властен над ними Перун.

Ты сюда приезжал не случайно
И причин не выстраивал цепь,
Славянин, ты любил эти тайны,
И монгольскую древнюю степь.

Но, как холодно, страшно и жутко
Быть поэтом и жить в нищете!
Бог не шутит. Откуда же шутка
О бездомных поэтах в Чите?..

Бог дает нам талант, а квартиры
Выделяют здесь черти в кредит
Только тем, кто узнать в этом мире
Их не должен, и им не вредит...

Ты хотел меня с ними поладить,
Только я никому не вредил.
Но в обличье любом и наряде,
Узнаю их. И больше нет сил.

Захожу я Ады-министраций,

И ищу тебя в этом аду.
У чертей здесь бюро регистраций.
Но и там я тебя не найду!

Вдруг откуда-то голос твой, Миша:
«Есть всему свое время и час,
Ниже ада и рая повыше
Приготовлено место для нас!

Как спокойно от лунного света,
Суеты нет земной и людской.
Для уставшего сердца поэта —
Уготован тут только покой.

Мастерская твоя в озаренье?
Что в Иркутске, в Москве и в Чите?
Верь в судьбу свою, в рок, в провиденье
И всегда доверяйся мечте...»

Отчего-то вдруг стало отрадно.
Я бреду сквозь метельную мглу.
Это кто там высокий, нескладный
Поджидает меня на углу?

8. Прощание с эпохой

Сиротливо здесь, Миша. Печальные думы.
Кто над вымыслом плачет, не знает про спор.
Я один в Мастерской. Город в праздничном шуме
Без конца и начала ведет разговор...

Между прошлым и будущим мы повстречали
Память разных веков и народов своих,
В этой памяти – жизнь: войны, быт и печали.
Мы сближали людей, и был верным твой стих.

Был и хлеб на двоих. Но без ложных объятий
Мы прожили эпоху, как год или час.
Пусть другие других повстречают, как братьев,
И, быть может, когда-нибудь вспомнят о нас.

Наши братья ушли... Не найдут они места
Ни в аду, ни в раю. Но великий покой
Обретут они там, где собираются вместе
Кто творит по призванью, доволен судьбой.

А Земля холодеет, сказал как-то Миша,
И все больше мельчает на ней человек.
И все делает маленьким – это из Ницше.
Так кончается век, начинается век...

25—28 декабря 2008 года.

Ценитель фонемы

Первый венок сонетов

ФОНЕМА. Абстрактная звуковая единица языка, в разных позициях обнаруживающая свои различительные признаки.

1

Щепетильный ценитель фонемы,
Что тебе было в жизни наградой,
Если звуки, сюжеты и темы,
Наилучшей считаешь отрадой?

Ни жены, ни детей, ни квартиры!
Что ты ищешь в словах или звуках,
Умирая, рождаясь вновь в муках,
Отрекаясь от целого мира?

Обрекает тебя на мученье
Мир за это твое отречение.
Мир не ведает в этом сомнений!

Кто такой и явился откуда,
На какое надеешься чудо,
От кого же ты ждешь откровений?

2

От кого же ты ждешь откровений,
От бездушных камней или плоти?
Но, не ведая вовсе мучений,
Ты всю жизнь на каком-то излете.

Никаким уговорам не внемля,
Ты играешь один с целым светом.
Или даже не знаешь об этом.
Что-то пишешь, не хочешь на землю.

Никакому не веришь кумиру.
И зачем тебе мир, а ты – миру?
Океаны страстей – тебе темы,

Мириады явлений, течений,
Доказательства чьих-то учений.
Каждый – мир, а миры – теоремы!

3

Каждый – мир, а миры – теоремы!
Теорема не знают решенья.
Но нашли – аксиомы и леммы...
А до Бога дошли откровенья,

Что все это одно только мненье...
Тоже истина! Даже – не в споре.
Вам покажут ее очень вскоре.
А хотя для чего вам прозренья?

Короли все предстанут нагими,
А серьезные станут смешными,
И не будет уже подозрений

В том, что черное станет вдруг белым,
Или трус, неожиданно, смелым.
Кто же ты – сумасшедший иль гений?

4

Кто же ты – сумасшедший иль гений?
Может быть, твои звуки, фонемы —
Коды тайных событий, явлений,
И ты их составляешь в системы?

Что ты ищешь в словах или звуках?
Все открыто давно в этом мире,
Вот дороги, дома и сортиры...
О каких ты талдычишь науках?

Может быть, говоришь и на идиш,
Мало русского или же english?
Он молчит и все смотрит куда-то.

Будто он потерял в этом свете,
Но не помнит – когда-то и где-то,
Друга лучшего, может быть, брата...

5

Друга лучшего, может быть, брата...
Как найти его в этом болоте,
То есть в мире трясины и блата?
Где и камни не тонут, ведь в плоти.

Значит, все сохраняется в Слове.
Если б каждое – было на месте,
То, какие познал бы мир вести,
Отделил бы зерно от половы!

Проявились бы сестры и братья...
Но пока полководцы в объятя
Заклучают, как в тюрьмы, героев.

Сквернословит среда – поле брани!
Каждый данник другого. И дани
Продает, этот мир перекроив.

6

Продает, этот мир перекроив
На куски, на проценты, на масти.
Но удвоив цену и утроив,
Государства торгуют и власти...

Значит, все перепутали снова.
Значит, снова решает проблемы
Щепетильный ценитель фонемы —
Не на место поставлено Слово!

Вот откуда идут диссонансы,
Разрушают дома резонансы.
Где металл не бывает гобоев.

Вот откуда опять Вавилоны,
Глобалисты, путчисты и клоны —
Сатанинское племя изгоев!

7

Сатанинское племя изгоев!
Камни ожили, плоть обретая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.